

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

КРАСНЫЙ КОМАНДИР ДВОРЯНИН БАХТИН

✓ 2009 году 30 августа исполняется 90 лет со дня потопления подводной лодкой «ПАНТЕРА» под командованием Александра Николаевича БАХТИНА английского миноносца «ВИТТОРИЯ» с вражеским десантом, который должен был высадиться в Кронштадте и направиться в голодный, задавленный со всех сторон интервентами Петербург.

Это была первая серьезная победа русских и советских подводников. После этого англичане покинули Финский залив, и эта победа русских подводников повлияла на ход истории России.

Командир подводной лодки «Пантера» Александр Николаевич Бахтин — потомственный дворянин Орловской губернии, ведущий дворянство с 1613 г. Его предки верой и правдой служили России по разным ведомствам. Он родился 4 (17 по н.ст.) июня 1894 г. в селе Малые Бобриники Малоорхангельского уезда Орловской губернии. Один из его пращуров, Бахтин Сергей Петрович, был основателем Орловского Бахтина кадетского корпуса (ОБКК), пожаловав на его создание в 1835 г. 1,5 миллиона рублей и 2700 душ крепостных. По этому случаю указом Императора была выбита памятная медаль, а полковнику С.П. Бахтину было пожаловано генеральское звание. Его отец Бахтин Николай Николаевич был воспитателем в этом корпусе. А.Н. Бахтин был последним, десятым, воспитанником ОБКК из рода Бахтиных.

Победа подводной лодки «Пантера» под командованием А.Н. Бахтина прославила ее на весь мир. Александр Николаевич Бахтин единственный от России после Первой мировой войны вошел в книгу Почетных Моряков, хранящуюся в Лондоне, куда вошли такие прославленные флотоводцы, как Ушаков, Нахимов, Макаров. О подвиге подводной лодки «Пантера» периодически вспоминают в Париже, журнал «Часовой».

А.Н. Бахтин много сделал для разви-

тия подводного флота России: он писал статьи и печатался в морских журналах, преподавал, был первым заведующим Подводного класса на Объединенных курсах комсостава флота, командиром дивизиона подводных лодок на Балтике. Сам много учился. В 1926 г. окончил Военно-морскую академию и отправлен командиром дивизиона подводных лодок на Черном море.

Судьба А.Н. Бахтина — трагична. Будучи первым на флоте удостоенным ордена «Красного Знамени» он в 1926 г. был осужден по ст. 58.5. и сослан на Соловецкие острова, а затем в Сибирь. Следует отметить, что вину свою он не признал, и поэтому в 1929 г. был освобожден. Реабилитирован был только в 1956 г. стараниями его жены, Бахтиной Ольги Петровны.

А.Н. Бахтин умер 15 июня 1931 г. в возрасте 37 лет.

В 2006 г. был заменен старый памятник на его могиле, а в 2007 г. была установлена мемориальная доска на доме в Санкт-Петербурге, где он жил.

По случаю надвигающегося юбилея, 90-летия победа подводной лодки «Пантера», хотелось бы, чтоб моряки-подводники г. Орла связались бы с организациями подводников с Санкт-Петербурге и присоединились бы, посильно, к мероприятиям по увековечению этого события.

**С уважением,
ШЕВЧЕНКО Людмила Платоновна,
племянница А.Н. Бахтина.**

30 августа 1919 года подводная лодка «Пантера» потопила английский эсминец «Виттория», положив тем самым победный счет Советских подводников. Об этом пишут все военно-морские словари и энциклопедии, упоминая имя командира — Александр Николаевич Бахтин. К сожалению в официальных изда-

Герб рода Бахтиных

ниях о командире героической «Пантеры» нигде ничего не говорится. Есть несколько публикаций в местных изданиях, в том числе в газете ЛенВМБ «Морская газета». Несколько лет назад была заметка в «Морском сборнике», но она посвящена трагической стороне жизни А.Н. Бахтина.

Считаю необходимым восполнить этот пробел. Я бесконечно благодарен племяннице А.Н. Бахтина Людмиле Платоновне Шевченко за сохранение памяти Александра Николаевича, архива его семьи, за ее подвижническую работу. Благодаря ей на Смоленском кладбище обновлен памятник на могиле А.Н. Бахтина, на фасаде дома № 24 по 11 линии Васильевского острова, где жил заведующий Подводным классом Курсов командного состава Рабоче-Крестьянского красного флота.

Род дворян Бахтиных берет начало в далеком 1613 году. В России было такое сословие — дворянское. Это нечто сродни современным военным. Служивое сословие, воспитанное на безусловном служении Отечеству. Среди них — род Бахтиных. В Российской книге дворянских родов они записаны 1613 годом, когда Воин Иванович Бахтин был пожалован поместьями. С тех пор Бахтины служили верой и правдой Российскому Отечеству.

Пращур нашего героя, Михаил Петрович Бахтин, стал создателем Орловского кадетского корпуса. В честь этого события Монетным двором в 1836 году была выпущена именная медаль с девизом «За благотворение юношества». На

создание кадетского корпуса М.П. Бахтин пожертвовал 1 миллион 500 тысяч рублей и поместье с 2700 душами. В Орле в помещениях Орловского Бахтина кадетского Корпуса (ОБКК) до сих пор располагается военное учебное заведение. Учился в этом корпусе и А.Н. Бахтин.

Александр Николаевич Бахтин родился 04 июня 1894 года в Орловской губернии в семье офицера-воспитателя ОБКК Н.Н. Бахтина. За сочувствие революции 1905 года Николай Николаевич был уволен из корпуса без права преподавания, и семья переехала в Петербург. Человек широкой эрудиции, он занимался педагогикой, славянскими языками, совместно с А.А. Брянцевым организовывал петроградский ТЮЗ. Видимо это под его влиянием у сына оказался весьма неплохой слог.

Александр продолжил учебу сначала в кадетском корпусе (до 1911 г.), а затем в Морском корпусе, который окончил в июне 1914 года. Молодой офицер был назначен ротным командиром в Первую минную дивизию на эсминце «Донской казак». Однако уже в сентябре 1915 года перешел на службу в подплав, будучи назначенным вахтенным начальником пл «Кайман». В те годы подплав комплектовался добровольцами, поэтому выбор службы на подводных лодках был не случайным. Не обошлось без влияния двоюродного дяди, Николая Николаевича Ильинского, командира ПЛ «Барс», головной в новой серии. На «Каймане» А.Н. Бахтин совершил свой первый боевой поход, который оказался удачным.

В конце того же, 1915 года А.Н. Бахтин был переведен на достраивающуюся подводную лодку «Волк» (типа «Барс»), командиром которой был Иван Владимирович Мессер, самый результативный командир подводной лодки на Балтике в Первую мировую войны. Словом, молодому офицеру было у кого учиться.

После нескольких успешных боевых походов на «Волке» и окончания Подводного офицерского класса мичман А.Н. Бахтин 4 декабря 1916 года назначается старшим офицером подводной лодки «Волк». Летом 1916 года состоялась

**Старший офицер ПЛ «Волк»
мичман А. Н. Бахтин**

свадьба А. Н. Бахтина и Ольги Петровны Букреевой из дворянского рода Курской губернии. В июле 1917 года ему присвоено звание «лейтенант», а 1 декабря он назначается командиром подводной лодки «Волк», сменив не принявшего революцию И. В. Мессера. Потомственный дворянин Александр Бахтин остался на службе России, не оглядываясь на правителей. Но по семейным обстоятельствам в апреле 1918 года пришлось оставить службу в Балтфлоте. На подводные лодки А. Н. Бахтин вернулся в ноябре того же года, и был назначен командиром подводной лодки «Пантера», которой командовал до мая 1921 года. Вот как вспоминал сам Бахтин о службе на «Пантере» и о своей знаменитой атаке:

Вступив в строй в конце империалистической войны, подводная лодка «Пантера» в первые годы не успела проявить себя ничем. Благополучно совершив ледовый поход в марте 1918 года, она счастливо избежала участи других лодок — перевода на «долговременное хранение». Летом 1918 года она плывала в Ладожском озере, исполняя некоторые военные поручения. Благодаря всем этим обстоятельствам «Пантера» имела сплоченный, бодрый личный состав и исправные механизмы. Это значительно облегчило работу, и на приведение лодки в боевую готовность потребовалось немного времени.

Действиям лодок придавалось очень

серьезное значение, и посылки их производились непосредственным распоряжением Реввоенсовета республики.

Секретная изограмма требовала производства разведки лодкой. Вскоре мне было вручено предписание: «Предлагаю вам, по готовности, идти в море для наблюдения за заливом и для осмотра Ревельского рейда гавани...». Далее шла подробная инструкция.

В штабе я получил последние данные о безопасных курсах и обстановку. 23 декабря после полудня пришел буксир в Ораниенбаум, и, с его помощью, «Пантера» начала выходить из забитой льдом гавани. Вышли.

«Двадцать часов. Всплыл и последовал к Ревелю» (коротко написано в моем донесении о походе). Мерно стучали дизеля; берегов уже не было видно; лодку слегка покачивало, и она дальше и дальше шла вперед к своей цели.

Совершенно особое настроение создается на лодке, идущей в поход. Все береговые интересы, дела и радости забываются и какой-то невидимой перегородкой сразу отделяются от сознания. Лодка со всем ее экипажем делается особым мирком. Быт сразу ограничивается узкими рамками походной жизни, складывающейся из специфических особенностей плавания. Все служебные дела, сложная совокупность отношений с другими кораблями, с начальством, с портом, с заводом остаются где-то сзади, далекими и ненужными.

Я прошел по лодке. Большинство

**Памятная медаль в честь
М. П. Бахтина**

подводников спали, набираясь сил. В походе неизвестно, когда придется работать, поэтому спать приходится «вперед». У дизелей, не спеша, вахтенные мотористы щупали подшипники и наблюдали за работой машины. Дежурные стояли у своих механизмов, готовые в любой момент по звонку вскочить и выполнять обязанности по тревоге. Часть лампочек была выключена, и видневшиеся в полумраке спящие фигуры создавали впечатление спокойной, мирной обстановки.

В кают-компании за маленьким столиком, над которым виднелся ряд приборов, сидел штурман, ведя на карте прокладку. Мы стали еще раз подсчитывать, когда подойдем к Ревелю. Маяки горели, и штурман на карте аккуратными кружочками отмечал обсервованные места.

Рулевой в рубке напряженно смотрел на картушку компаса. На мостике, охраняя безопасность корабля, стояли две фигуры в высоких сапогах, фуфайках, рукавицах, теплых штанах, неуклюжие и громоздкие, — вахтенный начальник и сигнальщик.

Постепенно свежело. Волны начинали захлестывать на мостик. Поручни и решетчатые люки покрывались тонкой ледяной коркой.

«3 часа ночи. Прошли траверз южного Гогландского маяка».

Определяться стало затруднительно, волны уже перекачивались через рубку, обливая стоящих на ней людей с ног до головы холодной водой. Компас и пеленгатор обмерзли и покрылись льдом. Штурману приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы сделать нужный отсчет, причем он получал ледяную ванну и бежал обратно мокрый. Карта потеряла свой чистый, аккуратный вид, промокла; курсы на ней размазались, да и по всей лодке стало сыро, холодно и неуютно.

«9 часов 35 минут. Подошел к маяку Кокшер и погрузился, намереваясь следовать в подводном положении на Ревельский рейд».

Однако выполнить это не пришлось, так как оба перископа замерзли, не вращались и не опускались, и вообще в них почти ничего не было видно. От боль-

шой волны лодка плохо держалась на перископной глубине, даже на 40 футах ее качало.

Через некоторое время перископы начали оттаивать, однако видно было хорошо только в кормовой перископ, носовой же торчал бесполезно, — как оказалось потом, он был погнут, отчего его нельзя было опускать. Очевидно, он был погнут водой, представляя большое сопротивление вследствие намерзшего льда.

Тем временем выяснилась еще одна неприятность — начали пропускать клинкеты газоотвода, так что лодка потеряла возможность погружаться больше 50-60 футов.

«В 16 часов, когда позволила ясность кормового перископа, пошел в проход между островом Кокшер и Б.Врангель».

«17 часов. Стемнело. Всплыл и решил следовать на рейд в надводном положении. Пустил один дизель на зарядку, а под вторым последовал дальше».

Погода не представляла ничего утешительного. Небо было покрыто тучами. Ревел ветер, лодку качало и непрерывно заливало ледяными волнами. Был сочельник. Буржуазный Ревель, очевидно, веселился, встречая праздник. Но «замерзающего рождественского мальчика» представлял, несомненно, наш штурман.

Маленький и круглый, как кубышка, от разной теплой одежды, он с трудом протискивался в узкие лодочные люки и загроможденные проходы, бегая с мостика к штурманскому столику по отвесным трапам. Обледенелый и продрогший, он неустанно работал.

В 19 часов мы вышли на Екатеринентальский створ, выводящий на Ревельский рейд. На одно мгновение нам приветливо блеснули огни маяков, но тотчас же непроницаемая снежная стена закрыла все. Началась пурга, нечего было и думать идти дальше. Нужно было скорее выбираться из неприятельского логова. Я скомандовал: «Лево на борт».

Хлопья снега били нас в лицо, так что с трудом можно было смотреть. Впрочем, ничего, кроме снега и волн, не было видно. И мы выходили по прокладке, хотя и не совсем были уверены в точности компаса. Выйдя на чистую воду, продол-

жали зарядку.

В 10 часов вечера мне доложили, что перестал действовать руль. Даже не моряку должно быть понятно, какое «приятное ощущение» — оказаться без руля у неприятельских берегов: корабль идет не туда, куда хочет, а куда его влекут ветер и волны, т.е. просто он никуда не может идти, а если даст ход, то беспомощно тычется в разные стороны, как слепой щенок.

Были мобилизованы все лучшие силы, и вскоре повреждение нашли: лопнул левый штуртрос между роликами в центральной посту. На всякий случай проверили рулевые приводы и в кормовой цистерне. Эта операция была произведена боцманом, для чего ему пришлось по обледенелой узкой палубе лодки пробираться к самой корме с риском ежеминутно быть сорванным обрушивающимися массами ледяной воды. Он открыл узкую горловину цистерны, осмотрел все при неровном свете аккумуляторного фонарика и проделал такой же обратный путь.

Настроение определенно понижалось. От сильной качки многие начали «травить». В корме было слышно, что при каждом качании лодки тяжело било руль, а оставшийся правый штуртрос натягивался, как струна, и тоже грозил лопнуть.

Погрузиться, чтобы лечь на грунт и укрыться от волны на данной глубине, не позволяли пропускавшие клинкеты. Приходилось выворачиваться так, как есть, и притом во что бы то ни стало до рассвета, пока нас не могли видеть с островов.

Мы решили переосновать трос, т.е. целый его конец перевернуть к роликам, а разорванный — к талрепам в корме, где на свободном месте можно было рассчитывать как-нибудь связать разорванные части. За эту работу взялся наш механик. Это был незаменимый человек в работе и любимец всей команды. Для него не было, кажется, невозможных заданий. За все он брался первым и доводил до успешного конца. Механик посмотрел, что надо сделать, сказал своим басистым говором «о»: «Ну, что ж, это можно», засучил рукава и начал работать вместе со своим другом — нашим

комиссаром и мотористами. Медленно текло время. Только через два часа упорной работы штуртрос, наконец, был соединен.

Трудно описать картину, которую представляло собою соединенное место: это была какая-то бесформенная масса железных блоков, цепей и концов, которая лязгала, громыкала при каждой перекладке руля. Тем не менее, она исполняла свое назначение, и механик сказал уверенно: «Выдержит».

Около 2 часов ночи оказалось возможным дать ход. Лодка благополучно вернулась домой. Последний поход в эту зиму мы совершили в ночь с 15 на 16 января.

В феврале стали на ремонт. Снова «Пантера» вступила в строй лишь в середине лета 1919 года. Когда я пришел на лодку, комиссар мне сказал: «У нас спокойная команда». Это была верная, но слишком скромная характеристика изумительных людей.

Для них не существовало трудностей или сомнений: самую тяжелую работу они делали с твердой уверенностью в ее необходимости для общего дела; в самых рискованных положениях они занимались своим делом, как будто бы опасности подстерегали кого-нибудь другого, а не их самих.

Несомненно, многим из них война и военная служба более чем надоели. Некоторые моряки уже по десять лет были оторваны от мирной работы. А теперь им опять приходилось воевать, но они не роптали, потому что причины и цели этой войны были им понятны.

Необходимо особо отметить их отношение к старому командному составу — на редкость корректное и дружелюбное. В то время как на других лодках, не говоря уже о надводных кораблях, неоднократно бывали случаи различных недоразумений — отзвук былой вражды к офицерам, у нас процветала атмосфера взаимного доверия и заботливости, часто весьма трогательной.

24 июля «Пантера» была послана в Копорский залив, где периодически появлялись английские и эстонские суда, базировавшиеся на Биорке.

Около полуночи мы снялись со швартовов, и вышли по назначению. К 5 ча-

сам утра мы должны были быть у поворотного бугра. Однако, вследствие мглности и ошибки лага, мы перескочили несколько дальше, одновременно благополучно перескочив ... и одну из наших линий минных заграждений.

Я застопорил дизеля, чтобы осмотреться. Спокойное море расстилось кругом. Горизонт закрывался мглой. Когда начало светать, на горизонте были замечены три смутных силуэта, вероятно, неприятельские тральщики. Я заполнил цистерны, переходя в позиционное положение, и дал ход, склоняясь к югу, чтобы выйти к маяку на фарватер. Совсем погрузаться не хотел, так как предстояло еще перейти линию наших заграждений. Об этом мы не говорили со штурманом, не желая возбуждать лишнего волнения в личном составе; мы без слов понимали друг друга.

Но этот час, пока мы не вышли на чистый фарватер, показался мне необыкновенно длинным.

Наконец рассвело настолько, что открылся Шепелевский маяк. Неприятельских судов уже не было видно за горизонтом. Дав полный ход, мы скоро оказались на фарватере, и я мог облегченно вздохнуть.

В половине восьмого погрузились и под перископом начали входить в Копорский залив.

В 10 часов 45 минут вахтенный начальник, стоявший у перископа, заметил странный предмет, то исчезающий, то появляющийся. Вскоре оказалось, что это подводная лодка, которая, очевидно, занималась упражнениями. Невдалеке оказалась и вторая лодка.

Сердце забилось усиленно: перед нами был неприятель! Я наблюдал за ними около часа.

За это время удалось хорошо рассмотреть их: одна была светлого цвета, видимо, типа Е-9, другая темная — более поздних номеров. Казалось, что это тюлени играют на солнце, то всплывая, то погружаясь. Это были английские подводные лодки.

В 11 часов 30 минут, видя, что лодки прекратили погружение и держались над водой, я пошел в атаку.

План атаки быстро созрел в голове. Мы находились на солнечной стороне

моря, следовательно, нас плохо было видно. Подойти поближе к лодкам, развернуться кормой, чтобы иметь большую свободу маневрирования, выпустить мину в одну лодку, повернуть и выпустить мину в другую лодку. И все!

На Пантере царило напряженное молчание. Каждый понимал серьезность момента и ожидал приказаний, которые исполнялись с безошибочной точностью.

Все шло, как по маслу. В каждую лодку выпущено по мине, и ... никакого результата. Взрыва не последовало.

Наблюдая в перископ, я увидел, как темная лодка дала ход и пошла на юг, к берегу, а светлая оставалась на месте. Положив лево руля, я начал разворачиваться, чтобы атаковать светлую лодку носовыми аппаратами.

Тем временем находившиеся в корме пережили жуткий момент: вдоль нашего борта, жужжа, прошла мина. Вероятно, ее выпустила в нас неприятельская лодка, которая дала ход. Об этом случае, я узнал только впоследствии.

Подойдя на четыре кабельтова, я выпустил в лодку, стоявшую на месте, еще две мины и видел, как прямо к ней протянулись следы их хода. В этот момент лодка, до этого обращенная бортом и представлявшая широкую цель, в которую должны были попасть мины, начала разворачиваться.

Мины прошли с обеих сторон от нее. Погрузившись до 80 футов, я начал уходить, чтобы не навлечь на себя преследования. Через час я всплыл и высунул перископ, чтобы осмотреться, но он запотел от перемены температуры, я ничего не увидел и сейчас же погрузился опять.

Через три минуты мы услышали взрыв снаряда. Очевидно, кто-то выстрелил, заметив перископ. Пришлось идти дальше, не показываясь наверх.

Чтобы выйти на фарватер, между заграждениями, не всплывая и не обнаруживая себя, пришлось измерять глубину самой лодкой, погружаясь до грунта в поисках характерных, отличительных глубин, по которым и удалось определиться.

В трех с половиной милях от Шепелевского маяка я продул среднюю цис-

терну, открыл люк и вылез на мостик. Никого не было видно.

Всплыли совсем. Были пущены дизеля, и мы пошли домой. Около 8 часов вечера были у борта базы «Память Азова».

Кашу, которую мы заварили своей атакой, пришлось расхлебывать команде подводной лодки «Вепрь». Через несколько дней после нашего похода в том же Копорском заливе, она пыталась атаковать миноносец, который быстро обнаружил ее и подверг жестокому обстрелу.

Следующие отрывки из рапорта командира «Вепря» ярко рисуют, что пришлось пережить команде подводной лодки.

«От взрыва сгорел реостат освещения. Свет погас. Осадило вниз перископы, через сальники перископов сильно пошла вода — мотор перископа загорелся. Лопнули водомерные стекла некоторых цистерн. Приток воды в лодку очень увеличился. Магнитный компас перестал показывать. Заклинило рубочный люк. Сорваны барашки крепления горловины носовой цистерны. В нескольких местах повреждена надстройка. Повреждена труба носовой помпы, и нарушены крепления ее к надстройке. Заклинило манипулятор балластной помпы и вентиляционный клапан батареи. Осыпалась краска перископа, не работает указатель уравнильной цистерны. Зарядное отделение мин промыто в двух местах у ударника. Станцию левого главного электромотора сильно накрепило во время взрыва, и она требует осмотра».

Командир «Вепря» считает необходимым «отдать должное всему составу лодки. В такой опасный момент не было ни шума, ни паники, ни беготни. Все оставались на местах и точно исполняли распоряжения, несмотря на темноту, дым горячей изоляции и шум вливающейся воды».

Стоять в Кронштадте в эту компанию было довольно беспокойно вследствие частых налетов неприятельских аэропланов. Иногда они принимали характер настоящих регулярных визитов: утром, днем во время обеда и вечером во время ужина.

С июля их деятельность особенно

усилилась. Сидишь спокойно в кают-компании, вдруг докладывают: «Самолеты!». Выбегаешь наверх и в бинокль разыскиваешь приближающуюся злоеущую черную точку в синеве неба. На всех кораблях подняты условные сигналы, обозначающие число аэропланов.

Приподнятое настроение томительного ожидания вдруг разряжается выстрелом. На небе появляется облачко от разрыва снаряда. Один, другой, третий выстрел, наконец, превращаются в непрерывную стрельбу, а облачко — в длинную и широкую полосу, которая следует за неприятельским аппаратом. Если вам не удалось найти его сразу, то эта полоса точно укажет его место.

Ближе и ближе. Наконец кажется, что он над нами.

«Бросит или не бросит?» — неприятно сверлит в голове.

Когда самолет пролетает немного дальше, видно, как от него отделяется черная точка — бомба, летящая скорее и скорее и делающаяся незаметной. Раздается оглушительный взрыв.

Бросив несколько бомб, самолет быстро скрывается. Чрезмерное внимание, которое неприятельские самолеты начали уделять тому углу гавани у доков, где базировались наши подводные лодки, заставило меня переменить место стоянки нашей «Пантеры». Мы перешли к внешней стенке. Эта предосторожность оказалась очень полезной, так как наша база Память Азова, у которой мы стояли, через несколько дней (в ночь на 18 августа) была взорвана английским торпедным катером.

17 августа мы спокойно легли спать на нашем новом месте, но в 3 часа 40 минут ночи я был разбужен вахтенным, который доложил, что над городом появились неприятельские аэропланы, обстреливающие рейд. Быстро одевшись, я выскочил наверх и услышал гудение пропеллеров невидимого врага. Самолеты кружились над рейдом, стреляя из пулеметов. Вскоре с одного из них была брошена бомба. По-видимому, они летали довольно низко, но в темноте только временами были видны их смутные силуэты. Разбуженная команда также была вся наверху.

Через некоторое время мы заметили

В.Довженко. КРАСНЫЙ КОМАНДИР ДВОРЯНИН БАХТИН

на воде силуэт черного цвета, передви-
гавшийся с необычной быстротой и
стрелявший из пулемета. Сперва, мы
принимали его за снизившийся гидроп-
лан, потом оказалось, что это был быст-
роходный катер.

Спокойная гавань вдруг преврати-
лась в ад. Стрельба из пулеметов, раз-
рыв бомб, взрывы торпед, выстрелы
орудий наших кораблей — все слилось в
оглушительный грохот.

Все вскоре затихло. На внешнем рей-
де догорал расстрелянный нашим ми-
ноносцем катер, озаряя море зловещим
заревом.

Всего в налете участвовало семь ан-
глийских катеров, из которых три были
разбиты в щепки. В этом была исключи-
тельная заслуга всех наших комендоров.
Неоднократные налеты таких катеров на
германские порты во время мировой
войны всегда сходили англичанам без-
наказанно.

Не прошел им безнаказанно такой
разбойничий налет только в советских
водах. Было раннее августовское утро.
Мы получили приказ идти в Биорке.

В 6 ¹/₂ часов утра наша Пантера уже
выходила из гавани.

Утро было чудесное, за спиною играл
всеми красками покидаемый нами
Кронштадт, и полным кругом всходило
золотое спокойное солнце.

На воде — ни морщинки, ни зыби.

- Приготовиться к погружению! — от-
даю команду.

Закрываются люки, убираются тра-
пы. Сделав крепкий последний глоток
густого осеннего воздуха, мы спускаем-
ся вниз.

В боевой рубке вместе со мной мин-
ный машинист и рулевой. Все остальные
на своих местах.

Уже шесть часов, как мы под водой.
Идем, пока что, под перископом на глу-
бине в 24 фута. В корме монотонно жуж-
жат винты. Штурман чаще и чаще наве-
дывается в рубку. Тревога. Звонок.

- Все на места!

Из Биорке в Копорский залив идет
неприятельский миноносец. Он нам ви-
ден. А мы, пока что, не замечены им.

- Атаковать?

- Подождем. Еще очень светло.

Есть опасность, что при выстреле ми-

ной нас выбросит сильно вверх.

Сердце бьется тревожно. С сожале-
нием отрываемся от миноносца, и идем
своим курсом.

Уже 9 часов. Мы недалеко от Биорке.
Перед нами два неприятельских мино-
носца. Один из них — старый знакомый.

Это тот самый, что ходил на разведку
в Копорский залив. Теперь он — рядом с
каким-то другим, и теперь-то уж мы его
не упустим! Идем прямо на них. Резко
сокращаем дистанцию.

Затем резкий звонок — боевая тре-
вога.

- Носовые минные аппараты, товсь!

- Носовые минные аппараты — на
товсь, — отвечают оттуда.

- Правый аппарат, пли!

Полминуты еще не прошло после вы-
хода торпеды, а уже для нас ясно, что —
мимо.

- Левый — пли!

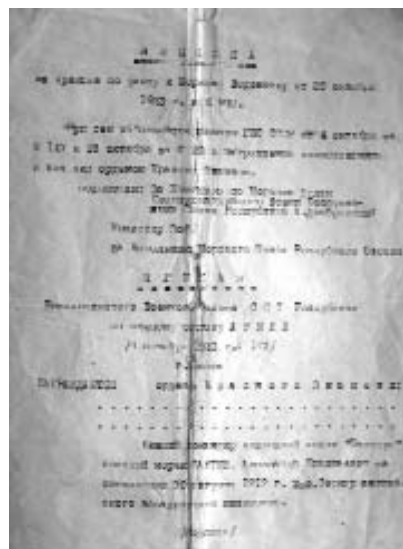
Снова крепкий удар, и вся лодка под-
кинута вверх. Даже рубка наружу. Рев и
вой где-то рядом.

Вверху взрыв.

- В нос команда! — кричу я.

Теперь мы знаем: в этот раз угодили,
как следует. Под обстрелом принимаем
300 пудов балласта и, как камень, идем
на дно. Слышен треск камней под кузо-
вом.

Отрываемся быстро от грунта и, все

**Выписка из приказа о
награждении А.Н. Бахтина
орденом Красного Знамени**

**Рисунок, подаренный
О. Букреевой
жениху А. Бахтину**

**Семья Александра Бахтина.
Дочь Нелли, сын Будимир и жена Ольга.
1927 г.**

время, держась 80 футов, держим курс на Шепелевский маяк.

Через несколько минут я достаю альбом, в нем помечены суда всего мира. Нахожу квадрат с фотографией миноносца под литерой Н, беру ножницы и молча вырезаю.

Окружающие меня понимают, что это значит. Это я освобождаю альбом от «покойника». К часу ночи доходим до полосы минных заграждений. Дальше идти не решились. Легли прямо на грунт «ночевать» на глубине 94 футов и до 61/2 часов «спали». Спали с мыслью, что вот-вот еще какой-нибудь командир неприятельской лодки так же бесстрастно и холодно достанет альбомчик и ножницы, разыщет там нашу Пантеру и одним поворотом руки освободит «свой» альбом от «чужого» покойника.

С 6 1/2 часов утра снова идем под перископом.

И только у самых кронштадских сетевых заграждений, пробыв 30 часов и 10 минут под водой, мы всплыли наверх.

Сторожевые суда открыли нам ворота.

А в штабе уже было известно, что мы потопили вражеский миноносец.

С маяков служба связи сообщила в Кронбазу, что за нами охотились 9 миноносцев и несколько аэропланов.

Впоследствии, по английским источникам, мы узнали. Что нами был взорван эскадренный миноносец Виттория (водоизмещение 1365т., скорость 34 уз-

ла)».

Служба молодого командира была успешной. С мая 1921 года он — командир соединения, а с мая 1922 года еще и заведующий подводным классом при Моракадемии, по совместительству. Выдающийся подводник А.Н. Бахтин заведовал Подводным классом до октября 1925 года, до зачисления в качестве слушателя факультета военно-морского оружия Военно-морской академии РККФ по минной группе. Служил он добросовестно и честно. Среди поощрений — награждение именными часами (1920 г.), присвоение звания «Герой труда Балтфлота» (за труды по воссозданию и возрождению Красно-знаменного Балтийского флота, 1922 г.), награждение орденом Красного знамени (1923 г.). В аттестации на А.Н. Бахтина за 1925 год говорится: «Энергия и твердость характера, достаточно выявленные стремления для расширения своего кругозора. Является одним из выдающихся знатоков подводного дела, имеет большой боевой и практический стаж».

После окончания академии в июне 1926 года переведен в Морские силы Черного моря на должность командира отдельного дивизиона подлодок.

Это назначение стало роковым. Дворянин, да еще награжденный несколькими старорежимными орденами — чем не «враг народа»?! Такое вряд ли было возможно на Балтике — матросы подплава

бдительно оберегали своих командиров от посягательств на их жизнь и свободу.

Уже 20 августа 1926 года в Севастополе А.Н. Бахтин был арестован по обвинению в преступлении — ст. 58, п. 5 УК, и 28 апреля 1927 года приговорен к заключению в концлагерь с лишением ордена Красного Знамени.

Несмотря на арест, А.Н. Бахтин виновным себя не считал. По его настоянию дело пересматривалось дважды, и в 1929 году он был досрочно освобожден.

Однако здоровье было подорвано, и 15 июня 1931 года Александр Николаевич Бахтин скончался и был похоронен на Смоленском кладбище Васильевского острова. Своей реабилитации он не дождался.

Тому, что сейчас знаем о подводнике Александре Бахтине, мы обязаны его жене, Ольге Петровне. Судьба ее сурова. До замужества она не успела получить какого-либо образования, поэтому после ареста мужа осталась без средств к существованию. На руках двое детей: дочь Нелли и сын Будимир девяти и двух лет отроду. Перебивалась мелкими заработками. Однако находила возможность посещать мужа и в концлагере, и в ссылке. Во время блокады, оставаясь в Ленинграде, потеряла обоих детей. Продолжала бороться за доброе имя мужа и после его смерти. Благодаря ее настой-

Мемориальная доска на доме 24 по 11 линии Васильевского острова

Сборник со статьей А.Н. Бахтина "На Пантере"

чивости Александр Николаевич Бахтин в 1956 году был реабилитирован посмертно. Найти орден Красного Знамени за номером 14533, изъятый после ареста А.Н. Бахтина в марте 1928 года, не удалось.

Даже если бы А.Н. Бахтин остался только подводником, уже этого бы хватило для истории военного флота России. Но он оставил нам весьма недурно написанные статьи, бесценные свидетельства очевидца сложного времени перелома. Видимо этот дар он унаследовал от отца. Свои статьи А.Н. Бахтин печатал в журналах «Красный Флот» и «Морской сборник». В марте 1927 года редакцией «Морского сборника» выдана справка с перечнем литературных трудов А.Н. Бахтина. За два года (1924-1926 г.) им опубликовано 4 статьи в «Красном Флоте» («Клуб — строительство нового быта», «На «Пантере» в гражданскую войну», «Подводник на летней учебе», «Стрельба и атака»), одна в «Морском сборнике» («Новая эра подводного судостроения») и учебник «Управление подводными лодками». Однако известно, что до революции А.Н. Бахтин публиковал свои статьи под псевдонимом «Лейтенант Веди». Его авторству принадлежит брошюра «На подводной лодке в 1916 году», изданная в 1917 г. в Петрограде.